

Осень российской многопартийности

Беляков Р.Ю.

кандидат исторических наук, доцент

Выборы в пятую Государственную Думу являются первыми, на которых можно подвести основные итоги реформы российской многопартийности, начатой с принятия федерального закона «О политических партиях» в 2001 году.

Как всегда в нашей стране, одни тенденции являются видимыми и публично афишируемыми, другие остаются в тени политического процесса.

Если говорить об официальной точке зрения, то она достаточно хорошо известна.

Главная цель реформы – уменьшение численности зарегистрированных политических партий – достигнута. Действительно, наличие пятнадцати общероссийских партий находится в разительном противоречии с существованием более трехсот политических формирований, которые имели право участвовать в выборах в период 90-х годов. Даже если мы сравним ситуацию в период выборов 2003 года, то и здесь произошли радикальные перемены. Тогда общее число зарегистрированных партий составило 47, то есть более чем в три раза больше нынешних показателей.

Даже первичный анализ показывает, что формально российская многопартийность обладает всеми необходимыми чертами представительности. Действительно, среди пятнадцати «избранных» есть предложение, как говорится, на любой вкус. Есть несколько правых и еще больше левых партий самых различных оттенков. Отдана дань европейской моде на экологические движения – в РФ существует своя партия «зеленых». Сохранились умеренные националисты в упаковке партии « Народный союз» Сергея Бабурина (бывшая «Народная воля»). По-видимому, это, по мысли отечественных политических стратегов, должно стать достойным ответом на

попытки реанимировать русский политический национализм. Наконец, сохраняется и «гадкий утенок» российской многопартийности – партия Владимира Жириновского, которую по-прежнему ни один специалист не может совместить хоть с какой-нибудь нишей политического спектра.

Думается, неслучайно, что официальные СМИ растиражировали заявление председателя ЛДПР, которое он сделал на встрече с Президентом РФ В.В. Путиным в Сочи. Тогда Жириновский сказал, что в России «выбор предостаточный: несколько левых и несколько демократических, патриотических, центристских партий. Такого выбора нет ни в одной стране мира: там три-четыре партии, поэтому, думаю, что мы достигли высокого рубежа».

Второй официально признанный результат – это успехи по формированию в стране системных политических партий. Естественно, что в первую очередь это касается «Единой России». Конечно, даже ее оппоненты не могут не признать очевидного. Во-первых, «Единая Россия» – это первая российская «партия власти», которая не только дожила до второй избирательной кампании, но и пришла к ней более сильной. Во-вторых, ей принадлежат абсолютные рекорды по численности постсоветских партий (около 1,7 млн. членов), по показателям электоральной поддержки (около 38 % в 2003 году и в среднем 45 % на региональных выборах 2006-2007 гг.), по численности партийной фракции в Думе (более двух третей состава), по представительству в

структурах исполнительной власти (особенно значимо, что единороссами стало большинство губернаторов). Все эти моменты создали эффект серьезного политического преобладания одной из политических партий и делают практически неизбежным ее победу на выборах 2007 года.

Менее очевидными и явно дискуссионными стали результаты деятельности новой политической партии «Справедливая Россия: Родина, Пенсионеры, Жизнь», которую также номинировали в качестве еще одной системной. Пока что трудно сказать, что послужило причинами явных сбоев в деятельности этой партии. Для одних наблюдателей объединение трех столь разных политических сил показалось искусственным с самого начала. Другие предсказывали, что внутри «СР» произойдет оттирание на второй план актива «Родины» и Российской партии пенсионеров, что и произошло практически повсеместно. Сторонники этой точки зрения логически продолжали свой анализ тем, что результат формирования новой партии на основе «слабого звена», а именно РПЖ, не может не быть плачевным. Существовали и устойчивые сомнения в способности сразу двух партий «поделить» одного и того же политического лидера. В любом случае, уже многопартийные выборы в регионах доказали в очередной раз азы политики, когда от сложения электоратов сумма даже очень меняется. Новые эсеры почти везде выступили значительно слабее, чем прежние три партии вместе взятые. А выдвижение кандидатуры В.В. Путина во главе партийного списка «Единой России» вообще означает, что для «СР» необходимо буквально по ходу кампании менять ее содержание, что всегда трудно.

Очень интересным для обсуждения, на мой взгляд, стал вопрос о том, являются ли системными традиционные и достаточно старые по возрасту идеологические партии. Речь идет о КПРФ и СПС, отчасти о партии «Яблоко». Если раньше политологи однозначно считали таковой КПРФ, то теперь произошло немало перемен в деятельности этой партии, явно ослаб ее политический и электоральный потенциал. Поэтому даже КПРФ, по крайней мере, не для всех остается в полном смысле системной партией.

Естественно, что за внешне благополучной картиной с развитием многопартийности таится и немало серьезных проблем. И роль лакмусовой бумажки здесь сыграл сам инертный ход нынешней предвыборной кампании, в которой долгое время отсутствовала даже минимальная интрига.

То, что теперь она появилась в форме кризиса на российском потребительском рынке, вовсе не отрицает того факта, что действующие политические партии не имеют к этому почти никакого отношения.

Кажущийся парадоксом, что оппозиция пока не использует в своих целях явный рост недовольства населения увеличением цен, является на самом деле вполне закономерной демонстрацией уровня политической протрации, в которой находится ныне абсолютное большинство официально признанных партий.

Уровень предсказуемости исхода любых российских выборов не может не вызвать сомнений в эффективности существующей модели многопартийности.

И в этом плане необходимо обратить внимание на следующие особенности современного этапа развития отечественной партийной системы.

1. Политические партии в России по-прежнему не являются в полном смысле носителями политической власти. Даже «Единая Россия», при всех ее несомненных достижениях, остается «партией власти», а не правящей партией. Безраздельно царствуя в парламенте, «ЕР» не контролирует основную ветвь российской власти – исполнительную. Очередная смена кабинета, которую В.В. Путин провел в сентябре, показала, что роль партий в этом процессе минимальная. Симптоматично в этом отношении выглядели претензии к КПРФ, которая голосовала в Думе против кандидатуры Виктора Зубкова. Авторы этих заявлений уже не замечают того факта, что нормальные оппозиционные партии и должны голосовать таким образом. Иначе они просто-напросто перестают выполнять собственные функции парламентской оппозиции.

При этом в обществе все больше растет скепсис относительно дееспособности законодательной власти. Наблюдая полупустой зал Думы, дежурные голосования, слабые по

содержанию обсуждения, население задумывается над тем, почему все это происходит, где профессиональные парламентарии и не связано ли это с заниженным статусом самого парламента.

Таким образом, обладая формально большей властью в Федеральном собрании и в законодательных органах субъектов федерации, политические партии оказывают отнюдь не решающее влияние на принятие важнейших решений, связанных с государственным строительством.

В свете заявления В.В. Путина о том, что переход к партийному правительству и партийному президенту – это вопрос ответственности будущих поколений, мало кто сомневается, что реальные механизмы управления страной в ближайшее время изменятся.

2. Политические партии в России не реализуют и другой своей важнейшей функции - они не выдвигают общенациональных лидеров. Обойма последних состоит из «ельцинского призыва», то есть тех, кто пришел в большую политику на волне бурного этапа реформ. Эта когорта представлена все теми же Григорием Явлинским, Геннадием Зюгановым, Владимиром Жириновским и некоторыми другими.

Есть два важных обстоятельства, которые способствуют нарастающему «обветшанию» их лидерства. С одной стороны, срок их пребывания во главе собственных партий является критическим. За столь долгий срок они не могут не примелькаться, надоесть не только электорату, но и собственному активу. С другой стороны, их реальный политический вес снижается со скоростью «шагреновой кожи». Иначе и не может быть, если эти деятели не обладают реальной политической властью. Их анонсированное участие в президентских выборах не может быть ни вдохновляющим, ни активизирующим электоральную активность фактором.

Самое главное состоит в том, что подлинный общенациональный лидер должен обладать реальным потенциалом стать политиком № 1 в стране, а никто из перечисленных лиц этим потенциалом не обладает.

Тревожным фактором является и то, что даже «Единая Россия» не выдвинула из своей среды партийных деятелей, которые бы

обладали чертами общенациональных лидеров. И дело состоит не только в том, что за шесть лет у «ЕР» сменилось три титульных руководителя, что редко позволяют себе другие политические партии. Общественное мнение воспринимает даже наиболее успешных лидеров этой партии как либо парламентских, либо региональных, либо отраслевых руководителей.

3. Политические партии в России оказывают очень слабое влияние на формирование политического класса, который в нашей стране имеет почти исключительно бюрократическое происхождение. Уровень политического влияния зависит от места и роли в административной лестнице, к управлению которой, как уже отмечалось, партии не причастны.

В странах европейского политического устройства политический класс состоит из профессиональных партийных, парламентских деятелей, ангажированных журналистов и политологов. Именно они представляют собой видимую часть политической элиты, а бюрократы-управленцы, находясь в тени, выступают в роли фактора, стабилизирующего политическую борьбу и происходящие в жизни общества перемены.

Конечно, элементы европейского политического класса есть и в нашей стране. Однако пик влияния аналитических центров, медиаструктур, профессиональных партийных работников пришелся в основном на 90-е годы. Сегодня их роль много скромнее.

Если мы сможем представить ситуацию, что на смену нынешней российской власти вдруг придет какая-то альтернативная политическая сила, то главной проблемой окажется серьезнейшая слабость современных контрэлит. Оппозиция сегодня не имеет для этого элементарных кадровых ресурсов. Даже коммунисты, которые имели не так давно треть «красных» губернаторов и своих федеральных министров, не смогут заполнить своими людьми важнейшие командные высоты управления страной.

4. Политические партии крайне неравномерно представлены на региональном и местном уровнях. Большинство партий имеют там сугубо формальное представительство. Во многих «медвежьих» уголках российской

провинции быстро восстанавливается положение, когда реально существуют одна-две партийные структуры. Ни одна партия, если она стремится быть общероссийской, с таким положением мириться не может.

5. Минимизировались и информационные ресурсы большинства политических партий. Даже знакомство с web-сайтами некоторых из них позволяет сделать вывод о том, что их политическая деятельность не просматривается даже на уровне виртуальной реальности.

Таким образом, политический цикл 2007-2008 гг. проходит в условиях, когда победа на выборах вовсе не обязательно обеспечит обладание политической властью, а шансы попасть в парламент имеет, как говорил один из поздних советских деятелей, «подавляющее меньшинство» партий.

В этих условиях на ближайшую перспективу встает вопрос о целесообразности политического участия большинства созданных партий. На повестке дня все чаще возникает проблема возможности реставрации в Российской Федерации однопартийной системы.

По времени, как говорится, самый подходящий момент, ибо недавно исполнилось 20 лет со времени январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС, на котором впервые был публично поднят вопрос об альтернативности в политическом развитии государства и правящей партии. Срок немалый во всех смыслах этого слова.

Прежде всего, как мне представляется, не надо бояться самого обсуждения темы однопартийной системы. Это не тот случай, что ее публичное обсуждение может «накликать» реальные политические действия.

Несомненно, что в реальностях сегодняшнего этапа политического развития действительно существуют предпосылки для перехода к однопартийной модели. В основном сдерживает этот процесс не слабеющее сопротивление оппозиции и некоторых интеллектуальных центров, а устойчивая социальная память, которая не дает забыть о крахе бывшей советской мегартии.

Политическая история учит, что, во-первых, однопартийные системы могут быть весьма эффективными, особенно в переломные периоды

развития, во-вторых, даже при однопартийном режиме вполне могут существовать элементы демократии. К числу последних относятся признание прав на образование фракций внутри партии, проведение внутривнутрипартийных дискуссий, обязательная ротация политического руководства, наличие разномыслия на информационном пространстве и т.п.

К тому же достаточно распространенной остается, особенно в традиционных обществах Востока, скрытая форма однопартийной системы, когда одна партия правит, а другие ей поддакивают.

В современном Китае самая многочисленная и самая эффективная коммунистическая партия применяет обе рассматриваемые модели.

Все сказанное следует понимать в контексте умозаключения, что все указанные формы демократии являются усеченными и суррогатными, серьезных гарантий ее пролонгации не даст никто и никогда. Даже в Китае устоявшаяся схема запланированной передачи власти от одного поколения правящей КПК к другому вовсе не является таким уж формальным и безболезненным. Все это мы хорошо знаем и из опыта нашей страны и бывшей правящей партии.

Поэтому, откликаясь на обсуждение темы о возможной реставрации однопартийной системы, все же необходимо подчеркнуть, что развитие реальной политической конкуренции является более безболезненным и гораздо более естественным процессом.

И в этом смысле едва ли не единственным более-менее обнадеживающим событием последнего времени является участие в думских выборах действующего Президента России, который впервые официально обозначил свои партийные симпатии.

Возможно, что даже вопреки первоначально закладываемому смыслу этой акции, она будет стимулировать продвижение к реальной многопартийности, которая была одним из лозунгов революции 1990-1991 гг. и остается демонстрацией, пусть даже во многом формальной, достижения иного качественного состояния нашего общества по сравнению с периодом коммунистического правления.